

**ХРОНОТОП СКАЗКИ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «ДЕТИ ВОРОНА»:
МОДИФИКАЦИЯ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ
THE CHRONOTOPE OF YAKOVLEVA'S FAIRYTALE «THE RAVEN'S
CHILDREN»: MODIFICATION OF THE GENRE TRADITION**

Аннотация: В статье рассматриваются жанровые особенности литературной сказки. На основе анализа произведения Ю. Яковлевой «Дети ворона» показано, как автор выстраивает пространственно-временную организацию своей сказки, балансируя между хронотопом сказочным и исторически-конкретным.

Ключевые слова: литературная сказка; жанровая модификация; хронотоп.

Abstract: The genre features of a literary fairy tale are considered in the article. The analysis of Yakovleva's work «The Raven's Children» shows how the author builds a spatio-temporal organization of the fairy tale, balancing between the fairytale and the historically concrete chronotope.

Keywords: a literary tale; genre modification; chronotope.

О литературной сказке как о самостоятельном жанре исследователи стали говорить в прошлом столетии, именно тогда были предприняты попытки отграничить ее от фольклорной сказки.

М. Н. Липовецкий, рассматривая литературную сказку в структурно-генетическом аспекте, приходит к такому определению: «... это в принципе то же самое, что и фольклорная сказка, но в отличие от народной литературная сказка создана писателем и поэтому несет на себе печать неповторимой творческой индивидуальности автора» [2, с. 3]. Исследователь отмечает, что литературная сказка более свободна в обращении как с субъектной организацией, так и со сказочным хронотопом, «... который может соотноситься с жанровой ситуацией волшебной сказки и по принципу дополнительности, и даже по контрасту» [2, с. 156].

Хронотоп волшебной народной сказки дистанцирован от реальных географических объектов и реального времени. Пространство народной сказки – это «тридесятое государство», «некоторое царство, некоторое государство», которое находится «за тридевять земель», волшебный и дремучий лес, избушка на курьих ножках и т. п. Топонимика волшебных сказок всегда относительно разнообразна, но обязательно неконкретна, неизвестно точное местоположение того или иного места действия. Пространство волшебной сказки всегда обозначено условно.

Время народной сказки тоже неопределенно: «долго ли, коротко ли», «много воды утекло», «много ли, мало ли», «жил да был» и др. Время волшебной сказки развивается неравномерно: либо очень быстро («не по дням, а по часам»), либо

крайне медленно («лежит тридцать три года»). У времени в народной сказке нет ни начала, ни конца, оно замкнуто. Счастливый конец сказки – временной конец [3].

Рассмотрим хронотоп современной литературной сказки, обратившись к книге «Дети ворона» – первой книге исторического цикла «Ленинградские сказки» современной писательницы, искусствоведа Юлии Яковлевой. Цикл посвящен тяжелым временам российской истории, конкретно «Дети ворона» – сталинским репрессиям 30-х годов. На сегодняшний день выпущено 3 книги из пенталогии. Автор, по собственному признанию, думала над тем, как рассказать детям о важных исторических событиях не сухими цифрами и фактами, а в интересной форме.

Произведение увлекает в первую очередь сюжетом. Действия разворачиваются в Ленинграде в 1938 году. В обычную семью приходит беда: однажды отца, а потом и мать и её младшего сына забирает Чёрный Ворон. Шурка и Таня, оставшиеся без родителей и брата, отправляются на поиски Ворона, чтобы вернуть родных. Преодолев множество испытаний, побывав в перевернутом мире не-Ленинграда, Шурка взрослеет и начинает понимать, в чем заключается зло Черного Ворона. В конце сказки ему удается спасти своего младшего брата из Серого Дома – страшного места, куда свозят всех детей, чьих родителей унес Ворон.

В «Детях Ворона» пространство Ленинграда описано относительно достоверно, с установкой на историческую конкретность. Мир Ленинграда цветной: «дома – желтоватые с белыми колоннами, розоватые, ленинградские». Это пространство открытое, широкое. Действия разворачиваются на реальных улицах города (Садовая, Невский проспект, Петроградская), Марсовом поле, на Фонтанке, в Летнем саду. Упоминаются реки, мосты, скульптуры. Описывается узнаваемая архитектура города, дома и заведения. Очевидно, автору важно перенести своего читателя в пространство вполне определенного и многим знакомого города. В праздники Ленинград особенно прекрасен: украшается лентами, особенно чист. Отметим, что Ленинград – место действия всех книг серии: по задумке автора, сюжет каждой книги будет развиваться в Ленинграде, но отнесен будет к разным периодам истории. Пространство города – в соответствии с сюжетной ситуацией – периодически сужается до коридора с множеством коммунальных квартир или конкретной коммунальной квартиры главных героев. Интересно то, что сначала даже в этом крайне локализованном пространстве – маленькой квартирке на 2 комнаты, разделенных шкафом, – уютно главным персонажам, потому что это их родное пространство, которое по ходу развития событий отчуждается от них.

Вместе с тем Ю. Яковлева не отказывается и от образа города как «сказочного» пространства – однако делает его страшным «двойником» «второй столицы». Это «не-Ленинград», «город Ворона», в котором некоторое время развиваются события. Мир не-Ленинграда, в котором всем управляет Ворон, серый, стандартный, его «неленинградское небо было похоже на мутное стекло». В ирреальном, сказочном времени «не-Ленинграда» герой «быстро потерял чувство времени», неизвестно, сколько прошло с тех пор, как он попал в царство Ворона: несколько месяцев, год, два или три.

В абстрактной топонимике «серого и страшного царства Ворона – лучшей страны в мире» – значимыми образами становятся сам огромный Ворон, забирающий людей, Серый Дом, говорящие птицы, крыса, ожившие мысли – «серое существо», которое хлынуло изо рта Шурки.

Среди образов книги центральное место отведено Ворону. Этот страшный персонаж, который забирает людей, представляется Шурке и Тане «огромной» птицей с большим клювом и с «чёрными лакированными крыльями», любит всё серое и одинаковое, у него «серое и страшное царство». Вместе с тем образ сохраняет и свою мифо-фольклорную семантику: так, у народов средневековой Европы чёрный ворон считался вестником зла, он связан с царством мёртвых и со смертью, с кровавой битвой. В русском фольклоре он аналогично ассоциировался с бедой, предвещал горе: «... что ж ты вьёшься, чёрный ворон».

К сказочной традиции отсылают и другие образы: люди-невидимки, говорящие птицы. В фольклорной сказке последние, как правило, являлись помощниками героя, однако в сказке Яковлевой мы сталкиваемся с тем, что ни говорящие чайки, ни голуби не помогают Шурке и Тане, а только пугают, запутывают и сбивают с толку. Они напоминают галдящую толпу людей, которые только твердят «враги», «предатели», «кыш отсюда». Помощником героя в сказке «Дети ворона» выступает Крыса. В фольклоре почитаемым образом героя-помощника традиционно являлась мышь, но Яковлева заменяет традиционный хронотопический образ.

В пространстве призрачного Ленинграда одним из важнейших локусов становится Серый Дом-замок. «Серый дом был фабрикой. Туда свозили детей. Тань, Шурок, Бобок, Зой, Кать, Коль, Наташ, Миш, Лид, Петек, Вовок... И делали из них Рэев, Маев, Сталин, Кир, Владленов. Детей Ворона!». Детей, попавших в Серый Дом, нельзя было отличить друг от друга. «В Сером доме переламывают всех... Они превращались в одинаковые серые тени» [4]. Пространство этого мира для главного героя выглядит как кладбище с серыми «холмиками» – могильными плитами – рядами кроватей малышей.

Образ Серого дома также отсылает к сказочной традиции. Он напоминает зловещее место, которое в сказках, как правило, являлось жилищем Кощея Бессмертного, Бабы Яги и др. Обычно такой дом – избушка или замок – находится в таинственном и дремучем лесу, до которого сложно добраться, «... дорога в иной мир ведёт сквозь лес» [1]. Пространство Серого дома непреодолимо, здесь действует закон: «чем быстрее бегу, тем дальше оказываюсь», когда близкий объект кажется таким маленьким, как будто он очень далеко, «как будто смотришь в бинокль с обратной стороны» [4].

Все перечисленные образы (и другие, о которых сейчас мы не говорим) имеют в сказке Яковлевой еще один план соответствий – исторически-конкретный. На восприятие сказки в историческом контексте настраивает детализированность описаний города, попытка автора воссоздать атмосферу времени. Важно, что уже в самом названии города (Ленинград) звучит указание на время, когда город еще не был переименован в Санкт-Петербург. В завязке истории даётся упоминание о событии, к которому в свое время было обращено внимание многих советских людей: Ленинград встречает героев-полярников дрейфующей станции «Северный полюс 1» во главе с Папаниным. Это событие произошло

15 марта 1937 года. Кроме того, атмосфера исторического времени воспроизводится во множестве деталей: играющие на вокзале мальчишки видят товарные поезда, в которых перевозят людей, поднимают таинственную записку («Передать...везут на Колыму»). Герои сказки видят надписи на транспарантах: «истребляет», «уничтожает», «вредители», «спасибо за наше счастливое детство». В описаниях нескончаемой очереди к Дому Ворона с письмами и передачами узнаются реальные очереди к тюрьмам («Кресты», 2-я пересыльная тюрьма).

В этом контексте сказочная метафорика Яковлевой выглядит иначе. За образом серого замка видятся реальные дома для детей «врагов народа». Общеизвестно, что детей репрессированных в возрасте от 1 и до 3 лет размещали в детских домах и яслях Наркомздравов, в пунктах жительства осужденных, а детей в возрасте от 3 до 15 лет размещали в детских домах, находящихся вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. Люди-невидимки (которых не замечают горожане, бывшие соседи) читаются как историческая метафора, а центральный образ Черного Ворона отсылает к Черному воронку – машине НКВД, ставшей символом сталинских репрессий.

Итак, сказочная образность «Детей Ворона» двупланова. С одной стороны, она связана с историческими реалиями, с другой стороны, соотносится с культурной архетипикой. Почему автор избирает такую хронотопическую модель? Как описать авторскую стратегию работы с читателем?

Писатель ориентируется на читателей разных возрастов с разным багажом исторических знаний. Для аудитории, владеющей исторической информацией, имеющей представление о событиях 30-х гг. XX века, Яковлева вводит в текст конкретно-историческое пространство и время, поскольку такие читатели в состоянии понять подтекст фантастической, сказочной стороны произведения. На детей, в чьем сознании пока нет реальной картины прошлого, ориентирована сказочная составляющая. Двойная кодировка позволяет автору расширить целевую аудиторию читателей и обновить жанр. Вопрос, однако, в том, как примирить две стороны одного текста.

Безусловно, в полной мере авторская концепция истории как страшного морока / сказочного наваждения (а именно так выглядят события 30-х гг. в книге Яковлевой) может быть воспринята только подготовленным читателем. Поэтому «Дети ворона» требуют комментария взрослых (учителя или родителей), предполагают ситуацию совместного чтения, неспешного обсуждения событий прошлого, того, как конвенции волшебной сказки накладываются на русскую историю.

Библиографический список

1. Пропп, В. Я. Собрание трудов: Морфология / В. Я. Пропп // Исторические корни волшебной сказки. – М., 1998.
2. Липовецкий, М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов) / М. Н. Липовецкий. – Свердловск, 1992. – 184 с.
3. Лихачёв, Д. С. Внутренний мир литературного произведения / Д. С. Лихачёв // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 79–82.

4. Яковлева, Ю. Дети ворона: 1938 год. Ленинградские сказки. Кн. 1 [для младшего и среднего школьного возраста] / Ю. Яковлева. – М. : Самокат, 2016. – 264 с.